

The book cover features a stylized illustration. At the top, two winged figures in red robes hold a yellow shield-like frame containing the author's name. Below them, a muscular man with a mohawk sits on a motorcycle, holding a red, star-shaped object. The background is a dense forest of green trees. The title is written in large, bold Cyrillic letters in the center. At the bottom, there is a year and an age rating in a circle.

Алекс Аргутин

Русские Горки

-1993-

18+

Алекс Аргутин
Русские горки

«ЛитРес: Самиздат»

1993

Аргутин А.

Русские горки / А. Аргутин — «ЛитРес: Самиздат», 1993

Легендарные «Русские горки» наконец доступны для традиционного прочтения. Американец, обманутый неверно истолкованными обстоятельствами, спасает человечество, уничтожая космических ящеров внутри себя. В оформлении обложки использован рисунок Алекса Аргутина (с) 1993г.

Русские горки
фантастическая история

1

Хайвэй, соединявший города Порт-Анжелис и Сиэтл, по выходным позволял развивать скорость до 250 километров в час. Из мощных динамиков Форда Мустанга, легко заглушая шум двигателя, ревела музыка. Без напряжения, покуривая сигарету, Сэм Гюнтер вел машину. Быстрая езда всегда доставляла ему удовольствие. И каждый раз, когда над высаженными вдоль дороги кленами взлетал самолет, этот тридцатилетний светловолосый американец радовался еще больше.

Ветер гудел за его спиной. В стеклах солнцезащитных очков проплывали утренние вершины Кордельер. Где-то на глубине каньонов журчали ручьи. В скалах призывно кричали птицы. Лента горячего асфальта парила на подъемах, петляя между холмов. Встречного транспорта не было вовсе. Поэтому, Гюнтер, полюбивший острые ощущения еще во времена службы в спецназе, жал на педаль газа от всей души.

Но одной скорости этому парню всегда не хватало. До местного аэроклуба, куда он спешил, было не более пятнадцати минут пути. Свернув на проселок, Сэм притормозил и въехал в распахнутые ворота. Хлопнув дверцей около двухэтажного строения, он вошел внутрь. поприветствовав диспетчера, сидевшего за стеклом конторки, Гюнтер поинтересовался сводкой погоды. Диспетчер улыбнулся в ответ:

– Погода в порядке, сэр. Штиль, и на шестьсот километров ни облачка! Так что, прикажете выкатить из ангара?

– Да, конечно, – ответил Сэм. Ему нравились здешние условия. Никаких лишних вопросов с тех пор, как он сдал экзамены и получил лицензию на спортивные полеты. Персонал знал клиентов в лицо, и служащие гордились той легкостью, с которой владельцы всегда могли получить доступ к своим самолетам.

Зайдя в раздевалку, Гюнтер вынул из шкафа летный шлем и комбинезон. Переодевшись, он упал в кресло и взял в руки газету. В ожидании предполетного сервиса, мир денежных сделок требовал от него ознакомиться с новостями. И хотя периодика уже не вызывала у опытного биржевика прежнего интереса, взгляд его случайно задержался на колонке происшествий за вчерашний день.

Статья о самоубийстве некой Кэтрин Винтер сообщала, что, накачавшись наркотиками, мотоциклистка врезалась в бетонную опору виадука через реку Уилламетт. Причем, это должно было стоить жизни не только ей, но и ее несовершеннолетнего вида спутнику. Однако, подросток не пострадал, за мгновение до катастрофы прямо на глазах у очевидцев растворившись в воздухе...

"Очередная утка," – решил Гюнтер. Тряхнув головой, он разочарованно вздохнул. Как и обычно, газетчики несли чушь.

Двери, ведущие на территорию аэродрома отворились, и в помещение ввалились двое в стандартных робах механиков.

– Привет, как дела? – обрадовался встрече один из них.

– Месс ваш – что надо! – сообщил второй.

– Спасибо, – бросив газету на журнальный столик, рассмеялся Сэм.

Пожав протянутые руки и ответив на белозубые улыбки, он направился к еще не успевшим захлопнуться стеклянным дверям. За ними, на неширокой бетонированной полосе, развернутое в сторону от солнца, уже стояло его "увлечение". Это был реактивный истребитель, внешне повторявший формы легендарного Мессершмита-262.

Гюнтер гордился своим самолетом. Конечно, все члены клуба старались так или иначе выделиться на фоне других, заказывая копии или раскрашивая престижные модели во всевоз-

можные цвета, рисуя когти и клыки, перья или перепонки. Но последнее достижение авиаинженеров нацистской Германии, доработанное изнутри американскими инженерами, поражаало красотой линий и отсутствием лишних деталей.

Полудобнее устроившись в кабине и захлопнув фонарь, Сэм вырулил на бетонную полосу. Щелкнув тумблером передатчика, он настроился на нужную частоту.

– Разрешите взлет! – летчик потрогал ремни парашюта, застежки и карабины. Все было в полном порядке. Только на этот раз к уже привычному волнению прибавилась необъяснимая тревога. Словно нечто изнутри потянуло за жилы, рассчитывая как бы "натянуть вожжи".

– Взлет разрешаю! – проскрипел обесцвеченный радиоэфиром голос в наушниках, – Удачного полета!

Сэм включил зажигание. Оглянувшись, он перевел тумблер газа в положение "активация". Двигатели взревели, стрелки приборов дрогнули. Месс тронулся с места. Бетонное покрытие взлетной полосы, увеличивая ускорение, побежало назад.

Еще пару раз шасси задела поверхность планеты и оторвались от земли. Куда-то далеко назад отступил горизонт, леса позеленели, будто набрались свежести. Река, впадавшая в залив, наполнилась голубым мягким светом.

"Какие могут быть сомнения?" – громко крикнуло противоположное нечто Гюнтера. Преодоленный "звуковой барьер" ответил поощрительным аплодисментом.

2

Самуэль Гюнтер любил скорость и высоту. Не обращая внимания на перегрузки, вдавившие его глубоко в удобное кресло, он не отпускал рычаг управления до тех пор, пока стрелка альтиметра не задрожала на отметке в четыре тысячи метров. Очертания кабины затуманились. В голове предупреждающе запели сверчки. В ответ на их трель летчик заложил глубокий вираж и почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Но это не было оплошностью или недооценкой своих возможностей.

Вывернув самолет и отдышавшись, Сэм бросил взгляд на приборы. Датчик скорости показывал триста пятьдесят километров в час. Небольшое увеличение подачи газа изменило цифру на спидометре до пяти сотен.

"Вот она, свобода!" – мысль из ниоткуда тихо и спокойно прошелестела в голове пилота. Не добавь он в инженерную смету компенсатор давления, его барабанные перепонки лопнули бы вслед за мыслью, а глазные яблоки забрызгали всю кабину.

Гюнтер бросил взгляд вниз. Где-то там остался его дом, дети, жена. Ей никогда этого не понять. С чувством сожаления и досады, уставший от приевшегося счастья отец семейства вспомнил, как она переживала в прошлое воскресенье, когда он задержался в небе дольше обычного. Качнув крыльями и сделав несколько малых виражей в ритме вальса, Сэм развернул машину в сторону уже высоко поднявшегося солнца.

Но отделаться от житейских мыслей оказалось не так-то просто. Огненные лучи только ослепляли. На память же по-прежнему лезла всякая чушь. Видимо, для того, чтобы развеяться по-настоящему, требовались более решительные действия...

Пытаясь избавиться от раздражения, не к месту стимулированного навязчивым сожалением о невозможном, хозяин реактивной птицы выключил подачу горючего и вошел в штопор. Мессершмитт свалился на левое крыло и, вращаясь против часовой стрелки, начал терять высоту.

Голова приятно закружилась. Все легковесные мысли вылетели из нее вон. На какое-то мгновение летчик показался себе рулеточным шариком, брошенным рукой великана в центр пущенного в ход пестрого диска. Обострившееся чувство опасности и возникшее ощущение пустоты в желудке напомнило ему предармейские годы, когда он убегал со скучных уроков и шел в парк с аттракционами кататься на Русских горках.

Гюнтер рассмеялся. Теперь Русскими горками стал для него этот вот крестоносный реликт, сверкая никелированным металлом бесстрашно нырнувший в бездну. Скорость и высота сделали свое дело. Забыв обо всем, любитель острых ощущений теперь лишь внимательно следил за показаниями индикаторов. В пятистах метрах от земли он отклонил руль влево и тотчас отдал рычаг управления от себя. Истребитель замедлил вращение и начал пикировать, падая на засеянное рожью поле.

Правой рукой Сэм вдавил кнопку зажигания. Установив рукоятку поворота в нейтральное положение, он толкнул "бегунок" газа. Машину подбросило, и она перешла в бреющий полет.

"Ну, что ж, неплохо для начала..." – решил пилот. Насладившись видом крутых склонов скалистых холмов над полем, он снова набрал высоту. Отсюда открывалась уже вся перспектива на северо-западное побережье штата Вашингтон. Оглядевшись, Гюнтер определил место своего нахождения.

Солнце светило в спину, слева синела морщинистая гладь Тихого океана, справа искрились нетающие и в летнее время снежники вулкана Рейнир. Прямо по курсу угадывались крохотные квадратики и прямоугольники административного центра Олимпия.

Успев уже забыть о недавних перегрузках, Сэм плавно потянул рычаг на себя. Месс начал медленно задирать нос, постепенно набирая скорость. Стрелка альтиметра радостно закивала. Два километра, три, четыре... Пять километров...

"Счастье, – это высота..." – думая так, летчик поднимался над землей все выше.

Сердце застучало сильнее. Плечи и спину снова вдавило в сидение. Выжав до отказа газ, пилот почувствовал, как все его тело наливается свинцовой тяжестью, щеки стекают к подбородку, веки наползают на глаза...

Но вот, тяжесть в руках и ногах начала понемногу отступать, и в животе опять полегчало. В самой верхней точке мертвой петли, повиснув вниз головой на высоте в семь километров, ас-любитель еще раз выключил двигатели. В ответ на это крылатый механизм вошел в режим свободного падения, повернувшись к небу покрашенной в голубой цвет частью фюзеляжа.

"Невесомость..." – американец ослабил запор шлемофона и отключил передатчик, – "Может быть, так себя и чувствуют праведники в раю, так им, ангелам, хорошо вне времени и пространства," – пронеслось в его сознании вместе с воздухом за бортом.

"Что еще может быть лучше, чем в конце трудовой недели, заполненной поездками и разговорами, запахом бензина пыльных улиц больших городов, испытать это..." – пристегнутый к сидению ремнями безопасности, аэрофил удовлетворенно закрыл глаза.

"Счастье – это невесомость и высота..." – уточнил он. Висеть вниз головой, и при этом не испытывать силы тяжести, было необъяснимо приятно... – "Жаль, что это не вечно..." – глаза Гюнтера приоткрылись. Мгновенно оценив ситуацию, он вовремя понял, что происходит.

Сэм увлекся, и в связи с крохотной неточностью, допущенной в управлении, его самолет на несколько градусов отклонился от предполагаемого курса в сторону вулкана Рейнир. Обрати пилот на это внимание чуть позже, исправить ничего уже было бы нельзя...

Включив зажигание и плавно, без паники, отжав рычаг управления, он выровнял машину над самой вершиной. Почти коснувшись опрокинутым вниз стабилизатором обледеневшего выступа, самолет резко вильнул рулем.

Как только истребитель перевернулся, и страховочные ленты перестали врезаться в напрягшиеся мышцы, Сэм вытер рукавом выступивший на лбу пот. Не спеша расслабившись, он бросил Мессершмитт в крутой вираж и, облетев Рейнир, осмотрел скалу, за которую чуть не зацепился хвостовым оперением.

"Опасное место... Еще немного, и мои останки собирали бы по всему штату, а газеты кричали о самоубийстве..."

Гюнтер улыбнулся. Его чудом избежавший катастрофы товарищ, оставив далеко позади заснеженное небытие снова не более чем прекрасного ориентира, со скоростью семьсот километров в час приближался к побережью Тихого океана.

Реки и леса северо-запада Соединенных Штатов живописным ковром раскинулись под крылом. Среди многочисленных складок этой бархатно-изумрудной материи, наброшенной на понижавшиеся к океану холмы, блестели озера. Чувства летчика, обострившиеся после пережитого волнения, не смогли остаться равнодушными к такой красоте.

"Что ни делается, – все к лучшему," – подумал Сэм, включая автопилот. Склонив голову к фонарю, приемный сын неба залюбовался пейзажем. Вглядываясь в неровную поверхность планеты, он ощутил, как внутри него самого расправляются плечи играющего в рулетку великана...

Именно такое настроение и было для этого человека желанной наградой. Впервые нечто подобное он испытал лет двенадцать назад, когда смотрел с борта военно-транспортного авиалайнера на уплывавшую вдаль Великую родину. Не задумываясь, что его ждет, он лишь мечтал увидеть мир, участвуя в сражениях, стать хозяином планеты, одетым в кожаные ботинки, защитного цвета форму, с автоматом наперевес.

И чувство, переживаемое им теперь, выглядело столь же по-детски. Но Сэм знал, – счет за каждый его маленький воскресный "побег" оплачен сполна, – никто не в праве потребовать с него ответа...

3

Встревоженный взгляд пилота скользнул по приборам. Все они, без исключения, показывали ноль. Еще ничего не понимая, Гюнтер посмотрел вперед и рефлекторно схватился за рулевой рычаг. Мессершмитт по инерции несло прямо в центр голубого облака, которое светило, быстро вращаясь вокруг вертикальной оси. Почувствовав опасность, летчик взволнованно вспомнил, что на высоту и направление полета повлиять не успевает из-за компьютера автонавигации, взявшего управление на себя.

"Это невозможно!" – во весь внутренний голос прокричало сознание аэрмана. Время замедлилось, и перед расширившимися зрачками полетел снег.

Снег был желтый и неожиданно теплый. Его невесомые прикосновения к рукам не вызвали неприятных ощущений. Сэму даже показалось, что яркая субстанция осадка с легкостью проникает под одежду и вообще свободно проходит сквозь организм.

"Надо что-то делать," – решил летчик и потянулся к замку фонаря. Но нажатие на кнопку, открывавшую кабину, тоже не привело ни к каким результатам. И когда американец понял, что его "хобби" вышло из под контроля, самолет влетел в голубое завихрение, и пилот потерял сознание...

Тысячи людей, отдыхавшие тем летом на пляже неподалеку от города Абердан, видели, как в полдень рокового для человечества воскресения прервалась белая полоса выхлопов небольшого летательного аппарата. Секундой позже небо в том месте вспыхнуло, и серебристая точка истребителя исчезла, как будто ее никогда не было.

...Придя в себя, Гюнтер решил, что просто ненадолго заснул. Двигатели работали, приборы показывали, что все в норме за исключением горючего, которое подходило к концу. Посередине контрольной панели мигал индикатор режима автоматического пилотирования.

"Странно," – подумал Сэм, – "Не заболел ли я?.."

Для начала было неплохо сориентироваться, и пилот посмотрел за борт. Он ожидал увидеть океан. Но вместо волн сквозь разрывы в облаках темнел густой лес.

"Чертовщина какая-то," – восстановив в памяти ход событий, Гюнтер взглянул на компас. Маркированная часть стрелки дрожала на отметке "запад". Нерадостный вывод напрашивался сам собой. Океан остался позади. Озабоченный открытием летчик стянул со вспотевшей головы шлемофон. Худшее только начиналось, и к нему стоило морально подготовиться.

Однако, как выяснилось почти сразу, на размышления времени уже не осталось. Правый двигатель зачихал и прекратил работу. Самолет накренился и задрожал. Левый двигатель заглох тоже. Остановленный сопротивлением воздуха, Мессершмитт камнем полетел к незнакомой земле. С горечью подумав, что это единственный выход, Сэм привел в действие механизм, открывавший кабину, отстегнул страховочные ремни и вывалился наружу.

Широко раскинув руки и ноги, воздухоплаватель увеличил площадь тела, отстав от обреченного на гибель дорогого раритета. Помедлив пару секунд и проводив глазами беспомощную машину, он дернул кольцо парашюта. Красно-голубой купол полыхнул за спиной. Широкие лямки жадно врезались в тело.

"Хорошее дело..." – подумал американец, – "Не очень-то завидная перспектива, мгновенно перелетев через океан, оказаться на территории чужой страны без документов..."

Но суть была даже не в этом, и Сэм наконец осознал главную особенность своего положения.

"...Тайга, – безлюдная и бескрайная..." – парашютисту вспомнилась фраза из школьного учебника по географии, – "Даже если потом меня не примут за сумасшедшего или шпиона, придется не одну неделю потратить на путь пешком..."

Да, в столь абсурдных ситуациях бывший спецназовец не оказывался уже очень давно. Для полного сходства не хватало автомата, военного обмундирования и выстрелов зенитных орудий. Ожидаемого взрыва от падения самолета тоже не прозвучало.

"Горючее кончилось..." – опомнился Гюнтер и подумал, – "Может быть, цел передатчик?"

После недолгих поисков километрах в шести острое зрение Сэма обнаружило характерные признаки авиакатастрофы.

"Какой же я идиот," – подумал он, – "Если бы сразу туда –спланировать..." – неумышленный нарушитель границы потянул за стропы. Но уже секунд через десять его ботинки задели верхушку ели, колкие ветви царапнули по комбинезону. Парашют зацепился за соседние деревья, и драгоценная ноша затрепавшего по швам купола закачалась в нескольких метрах над почвой.

Крепко ухватившись рукой за ветвь, Сэм достал из аварийного кармана нож и перерезал веревки. Спрыгнув на мягкий слой прошлогодней хвои, он выхватил пистолет и осмотрелся по сторонам.

Бывалый десантник хорошо знал, что такое лес. Особенно незнакомый и на территории если не врага, то и не друга. Судя по увиденному с воздуха, ему грозила опасность не меньшая, чем люди, разговаривающие на другом языке. Дикие звери немые. И если голодны, то нападают без предупреждения.

Солнце пока не зашло, однако, воздух уже потемнел, ближние и дальние деревья приняли однотонную окраску. Не успел Гюнтер коснуться земли, как мошки и комары бросились на него. Стараясь не обращать внимания на насекомых, американец прислушался.

По мере угасания дня, в лесу становилось все тише. В сумеречной Тайге всегда есть что-то торжественное, жуткое и тоскливое. Одиночество рождает воспоминания. От мысли, что может не удастся быстро разыскать самолет, сердце депортированного облаком защемило.

Не теряя времени на бесполезные сожаления, Сэм решил сразу отправиться в путь и, пока не стемнело окончательно, преодолеть хоть какую-то его часть. Зажав в левой руке нож, а в правой пистолет, он осторожным шагом двинулся туда, где совсем уже вечернее небо было светлее.

Вопреки опасениям, разъяренный тигр не встретился ему, и пятнистая кошка не прыгнула на спину. Лишь несколько белок перебежало дорогу, да рогатый красавец лось, увидев человека, беззвучно исчез в темноте...

Тем не менее, внимательно присматриваясь и прислушиваясь к незнакомой жизни, запоздалому путнику все-таки удалось пройти километра четыре до наступления ночи. И когда дальнейшее продвижение стало невыносимым, он решил остановиться, развести костер и дожждаться утра. Выбрав место посуше и подобрав с земли несколько толстых веток, Гюнтер переломил их об колено и составил пирамидкой. Просунув под них пучок потоньше, он достал зажигалку.

Уже собираясь высечь огонь, краем глаза летчик заметил странное мерцание за деревьями. Решив, что ему показалось, он вернулся к прерванному занятию и снова склонил голову над пластмассовым "огнивом" фирмы Мальборо, – впереди замерцало опять.

Забыв про хворост и сделав несколько шагов, Сэм отодвинул закрывавшую свет раскидистую еловую лапу. В голове его, и без того утомленной произошедшим, тотчас пробудились воспоминания о прочитанных в детстве "Сказках народов мира" про Бабу Ягу, Двенадцать Месяцев, Леших и Колдунов. Да и кого еще нелегкая могла занести в такую глухомань.

Но не только мрачная атмосфера таежной ночи расположила претерпевшего бедствие к невероятным догадкам. Испытанное им при виде огонька чувство неумолимой опасности как-то не совсем оправдывалось исключительно поздним часом и обстоятельствами. Поэтому, Гюнтер принял решение сначала исследовать природу загадочного явления и только потом думать как поступать.

Стараясь по возможности не шуметь, он подкрался к краю большой поляны и спрятался за кустами. Увиденное встревожило его не меньше, чем если бы перед ним оказался спящий Соловей-разбойник.

"Нет, это не Избушка на курьих ножках..." – не веря глазам своим прошептал американец. Ответ витал где-то рядом, но такое объяснение как-то не вязалось с непроходимым лесом и с отсутствием человеческого жилья на сотни километров.

Яркий электрический свет горел в окне опрятного сруба, возведенного на бетонном фундаменте. Сквозь стекло с того места, где притаился невидимый разведчик, можно было разглядеть стеллаж с химической посудой, какими-то приборами и книгами. Под крытым железными листами навесом виднелись аккуратно составленные ящики и негромко тарахтящий электрогенератор. Все это напоминало небольшую, но заботливо оснащенную лабораторию.

Глянув в небо, Сэм понял почему не заметил дом с воздуха. Неба почти не было видно. Пространство между елями, росшими на краю поляны, оказалось затянуто маскировочной сетью.

4

Еще не стемнело, когда русский ученый Хлопотов поставил долгожданную точку и оторвал взгляд от формулы, которую задумчиво переписывал в девятый раз. Формула эта значила для него все, одновременно являясь последним и самым значительным достижением жизни.

Конечно, оставить открытие в тайне оказалось не просто. Но игра стоила свеч. Разговоры и суэта сотрудников действовали ему на нервы. Да и о какой секретности могла идти речь, если об исследованиях, способных повлиять на исторический ход событий, знало столько посторонних. Такого рода соображения три года назад и внушили престарелому гению мысль "обрушить мосты" и уединиться так, чтобы военные и штатские аппаратчики, доставшие подробными допросами, забыли о его существовании...

"Нет, определенно, лучше здесь, в глухомани. Тем более, что теперь открываются удивительные перспективы!" – подумал Константин Кириллович и откинулся на спинку кресла. Как следовало из "формулы Мира", выведенной аккуратным почерком на последнем листе толстой тетради, времена существуют параллельно...

Неожиданно в той стороне, где только что спряталось за деревьями алое солнце, послышался свист, а за ним и треск ломаемых ветвей, словно нечто тяжелое с металлическим скрежетом ударило о землю. Хлопотов вскочил с кресла и выбежал на поляну.

"Неужели метеорит?" – заволновался он. Отвязав собаку и перекинув через плечо ремень дробовика, старик углубился в лес.

Ему было уже за шестьдесят, но жизнь вдали от больших городов еще позволяла держаться в приличной форме. Обходя заболоченные участки, над которыми тучами кружились мошки и комары, легким шагом он пробирался через чащу. Регулярно прогуливаясь по окрестностям с охотничьим ружьем, хозяин лаборатории хорошо знал местность. Хищные звери не представляли для него опасности благодаря изобретенному им ультразвуковому генератору.

Собака Шарик, бежавшая рядом с бородатым, чем-то напоминавшим старичка-лесовичка, ученым, на ближайшие несколько километров была единственным крупным животным, не боявшимся тревожного сигнала этого устройства. В ее ошейнике находился высокочастотный компенсатор.

Приблизившись к месту падения "метеорита", старик сразу понял, что перед ним, и удивился. Над этим районом Тайги люди еще не летали. Под ногами захрустело стекло. Хлопотов остановился. Солнце уже село, лес окутала влажная мгла. Но характерные кресты на крыльях и фюзеляже даже в сумерках бросались в глаза.

Ребенком пережив войну, Константин Кириллович немного разбирался в немецкой авиации. Безошибочно идентифицировав останки первого в мире реактивного истребителя, он задумался. Особенно его встревожило отсутствие пилота. Ничего хорошего такое обстоятельство не обещало. Всякое рассказывали о Мессершмиттах-262. Ходили слухи и о том, что один из таких самолетов спутники обнаружили на обратной стороне Луны...

Ученый посмотрел на собаку. В свете молодого месяца, выглянувшего из-за сломанных макушек елей, она лежала у ног хозяина, не проявляя признаков беспокойства. Если бы тонкий нюх животного учуял следы незнакомых существ, оно не вело бы себя таким образом.

В небе загорелись первые звезды. Узкая гряда облаков над черными силуэтами деревьев утратила свой розоватый оттенок и растворилась в быстро наступившей ночи. Поэтому детальное обследование места крушения хозяин окрестной тайги счел несообразным и отправился в обратный путь.

На возвращение потребовалось минут сорок. Все это время Хлопотов шел и думал о сложной игре, которую порой затевают обстоятельства с выдающимися личностями в момент величайших открытий. Пытаясь предугадать возможные последствия катастрофы, заинтригованный находкой мыслитель решил, что если падение самолета рассматривать с философской точки зрения, то это происшествие может оказаться и подарком судьбы.

"Как знать, что за силы забросили его в тайгу..." – подумал Константин Кириллович. Не смотря на свое материалистическое воспитание, он давно уже не сомневался в необходимости существования сверхъестественных причин для любых изменений в реальном пространстве.

Шагах в ста от лаборатории, бежавший впереди Шарик внезапно залаял, и столь же неожиданно его лай прервался. Какая-то тень метнулась к седому отшельнику, и "подарок судьбы" обрушился ему на голову тяжелой рукояткой пистолета.

"Подарком" был, конечно, Самуэль Гюнтер. В определенной степени ученый сам спровоцировал столь непочтительное отношение к себе. Пугавшее хищников, излучение ультразвукового генератора у любого вызвало бы самые тревожные подозрения. Ощущение опасности, инициированное прибором, оказалось настолько велико, что Сэм не мог ожидать ничего хорошего от предстоявшей встречи. Маскировочная сеть, современное оборудование, книги и колбы на стеллажах говорили о ведущихся здесь, возможно незаконных, исследованиях.

Но в сложившейся ситуации для Гюнтера важно было одно, – как все эти предметы попали сюда, и в состоянии ли те, кто создал в безлюдной местности условия для научной работы, вернуть его обратно?

Решив, что хозяева отправились на поиски обломков, Сэм подготовился к встрече. Воспользовавшись преимуществом нападения врасплох, он оглушил их. Связав старичка и собаку, летчик перенес обмякшие тела в дом.

Оставив животное около дверей, американец положил сухощавого бородача на кровать и сел в кресло напротив. Долго ждать не пришлось. Минут через десять глаза Хлопотова открылись и с тревогой уставились на внушительного молодчика, вооруженного пистолетом и охотничьим ружьем. Собака заворочалась, жалобно запричитав. Разразиться лаем ей не позволила повязка, сделанная Гюнтером вместо намордника.

– Спасибо, что оставили нас в живых, – миролюбиво прошептал житель Тайги и тоже застонал. Русская речь окончательно подтвердила опасения американца.

– No understand... – услышал в ответ пленник. К счастью, от удара память его не пострадала, и перевод не составил труда. На неплохом английском Хлопотов повторил свою мысль. Сэм улыбнулся.

– Кто вы? – спросил он, уже не сомневаясь, что его понимают.

– Ученый, – просто ответил Константин Кириллович.

– Зачем же человеку с образованием прятаться в глуши, где нет дорог, и даже вертолету негде приземлиться?

– Я нелюдим... – в надежде, что это собьет пришельца с толку, произнес Хлопотов.

– Насколько я понимаю, в вашей стране это не принято, – парировал настойчивый собеседник.

– Что ж, пожалуй... – связанный лукаво поморщился.

– Ваше оборудование весит немало, и на своей спине Вы не смогли бы его сюда принести.

– При чем здесь мое оборудование? – обеспокоенный взгляд старика смерил требовательного гостя с головы до ног.

– Вы прячетесь, значит, что-то скрываете, – прояснил свою мысль Гюнтер, – Но мне нужны не секреты, а помощь...

– В чем же, и с какой стати? – обрадовался было русский.

В ответ светловолосый парень свирепо посмотрел ему в глаза. Хлопотов почувствовал, что незванный визитер запросто может применить силу, и тогда все равно все узнает. Но Сэм поступил иначе.

– Мне нечего скрывать, – сказал он. Решив, что разговор заходит в тупик, американец в общих чертах поведал о происшедших с ним необыкновенных событиях.

– Самолет Вы видели, и если бы не голубой вихрь, мгновенно перебросивший его через океан, эту местность давно бы уже прочесывали пограничники, – закончил Гюнтер свою историю.

Ответный взгляд связанного старика выражал лишь естественное удивление. Однозначно предположить, о чем тот думает, не было возможности.

– Что ж, очевидно, Вы стали жертвой чрезвычайных обстоятельств, – проговорил Константин Кириллович, стараясь выглядеть непринужденно, – И я мог бы вернуть вас на родину, – он притворно закусил губу, – приблизительно таким же способом...

Сэм недоверчиво усмехнулся, хоть и ощутил, как похолодела кожа на спине. Хлопотов продолжал:

– Но для этого мы должны довериться друг-другу. Развяжите меня...

Обитатель девственного уголка планеты не шутил. Он действительно мог помочь Гюнтеру, вот только иллюзий по поводу его благонадежности не питал. Пусть даже намерения чужестранца молчать об увиденном окажутся искренними, старик нуждался в более серьезных гарантиях. Исчезновением самолета ни в коем случае не должна заинтересоваться полиция Штатов. Иначе, допрос владельца Мессершмитта на детекторе лжи ни к чему хорошему не приведет...

В том, что задумал Хлопотов, был определенный риск. Но иной возможности получить доказательство верности его расчетов в ближайшее время не предвиделось. Телепортировать в далекое будущее подопытных горилл русскому представлялось не оправданной расточительностью.

"Да, это действительно подарок судьбы," – в итоге решил старик. Протянув вперед связанные руки, Константин Кириллович добродетельно улыбнулся.

– Развяжите, – он посмотрел Сэму в глаза, – Я помогу Вам вернуться.

– Без доказательств не обойтись, – больше демонстративно, чем всерьез, Гюнтер поиграл пистолетом.

– Как на ваш взгляд, мгновенное перемещение человеко-образной обезьяны из одной клетки в другую – достаточно убедительное подтверждение моей честности?

– Где же взять обезьяну? – предложение заинтересовало иностранца.

– У меня их несколько, а то, что при осмотре Вам не удалось обнаружить "подпол", делает мне честь...

– Что ж... – согласился Сэм и перерезал веревки, – Только, ради своей безопасности, постарайтесь избежать резких движений.

Хлопотов не возражал. Он вполне мог обойтись и без резких движений, лишь бы ему поверили...

Вход в погреб оказался под креслом, на котором сидел Гюнтер. Не спуская с русского глаз, он разрядил ружье и отбросил патроны. Отодвинув кресло, Константин Кириллович распахнул крышку люка.

Спустившись вслед за ученым по каменным ступеням, американец обнаружил себя внутри железобетонного бункера, занимавшего всю площадь под поляной. Вдоль стен располагались стеллажи с толстыми папками и тетрадями. В глубине виднелось несколько компьютерных мониторов. Справа от лестницы в большой клетке, мирно похрапывая, спало семейство горилл. В клетках поменьше содержались более мелкие лабораторные животные.

– Да... – только и смог вымолвить пораженный увиденным, когда Хлопотов включил освещение, – Вероятно, все это стоило немалых усилий?..

– Ох, и не спрашивайте... – колыхнул ладонями Константин Кириллович, и как бы проговорился, – Конечно, мне помогали студенты и коллеги, но истинного значения приготовлений никто не знал. Теперь все уверены, что я "взлетел на воздух" вместе с институтом. Ничего не поделаешь, – пресекая недоверчивый взгляд гостя, русский обреченно пожал плечами, – Наука требует жертв...

Внимавшему очевидному доказательству уже имевшего место двурушничества показалось, что, возможно, и теперь плетущий какую-то интригу старик не был откровенен настолько, насколько старался выглядеть. И Гюнтер еще раз всмотрелся в его прищуренные глазки. Но ничего, способного подтвердить тревогу, он там не обнаружил. То есть, там не было ничего, кроме сияющей доброты и уверенности в предстоящем.

– Да... Вы – серьезный человек, – задумчиво молвил Сэм, не спуская Хлопотова с прицела.

– Спасибо за комплимент, – заулыбался ученый.

– Ну, а теперь, показывайте, как это у вас получается с обезьянами...

5

Константин Кириллович прошел к дисплеям компьютеров. Наведя ствол на всклокоченный затылок, американец остановился за его спиной. Хлопотов нажал несколько кнопок, и экраны засветились.

– Об этих животных компьютерам все известно, и телепортация на несколько метров одного из них будет выглядеть просто. Иначе обстоят дела с Вами, – голосом лектора произнесла пожилая мишень, одновременно набирая какой-то текст.

На мониторах возникли изображения обезьян и результаты всевозможных исследований.

– Перед перемещением, – машинально продолжал русский, – Вам придется пройти обследование. Взвешивание, энцефалограмма мозга, рентгеноскопия... Сведения эти нужны для того, чтобы психоэнергетическое поле оказалось максимально эффективным, и при переходе не возникло потерь.

Повернувшись лицом к слушателю, взгляд которого выражал смесь интереса и сомнения, ученый развел руками:

– А теперь, потребуется ваше участие. Необходимо расчехлить телепорт и придвинуть его к выходу из клетки.

– И где окажется обезьяна? – немного обалдело спросил Сэм. Уж очень все это напоминало цирковой фокус.

– А где бы Вы хотели? – как если бы был выбор, ответил Хлопотов.

– Не ближе, чем на поляне. Можете это устроить?

Немой кивок выглядел однозначно. Убрав пистолет, Гюнтер сбросил чехол. Внешний вид открывшегося устройства напоминал магнит, используемый в аэропортах для обнаружения металлических предметов. Придвинув его вплотную к вольеру с обезьянами, Сэм выбрал свободную клетку поменьше, разобрал ее и выволок на поляну. Все это время Хлопотов продолжал компьютерные приготовления.

Солнце еще не взошло, но небо над восточными верхушками елей уже окрасилось алым. Только теперь Сэм понял, как устал. Проглотив пару таблеток бензедрина из аптечки при летном комбинезоне, он почувствовал себя лучше.

Ученому же, казалось, все было нипочем. Но, на всякий случай, Гюнтер все-таки поинтересовался здоровьем Хлопотова.

– Обо мне не беспокойтесь, – безапелляционно произнес изобретатель, – При некоторых опытах приходится не смыкать глаз и по несколько суток. А вот позавтракать не мешает!

Вернувшись в дом, они наскоро перекусили. Причем, Сэм внимательно следил за тем, чтобы хлеб и колбаса были отрезаны от одного куска, – слишком уж легко этот затворник согласился посвятить его в свои открытия.

Покончив с едой, ученый и американец снова спустились в бункер и продолжили эксперимент. Константин Кириллович попросил залетного гостя открыть дверь клетки внутри телепортатора и разбудить одну из обезьян. Выбор пришельца пал на самца, и он поднес к нему электрод.

Обезьяна дернулась, глаза ее приоткрылись. Хлопотов набрал на клавиатуре последовательность каких-то чисел. Животное попыталось выбраться наружу. И когда оно оказалось внутри рамки "магнита", старик нажал кнопку "ввод".

На экранах замелькали символы, показавшиеся Гюнтеру знакомыми. Он смутно вспомнил, что видел похожие изображения в популярных изданиях по Магии и Оккультизму.

Это озадачило парня. Но когда он увидел, как обезьяна прыгает внутрь телепорта и исчезает, изумился еще сильнее.

Все еще с недоверием посмотрев на очевидного виновника этого чуда, Сэм выбежал наверх. Обезьяна уже скалилась в клетке, установленной на поляне, явно недоумевая, как она сюда попала, и где же открывшаяся было дверца. Хлопотов рассмеялся из подвала:

– Видите, я вас не обманываю! Можете быть уверены, что через несколько часов Вы вот также окажетесь у себя дома. Кстати, как Вы объясните свое отсутствие?

– Вероятно, скажу, что кончилось горючее, самолет рухнул в океан, и мне чудом удалось выплыть! – прокричал в ответ Сэм, – Естественно, правды никто не узнает, продолжил он, вернувшись в бункер, – Я достаточно обеспечен и, в свою очередь, могу предложить Вам финансовую поддержку...

– Не откажусь, – улыбнулся ученый, – Вот номер счета в швейцарском банке, на который Вы переведете, ну... – он как бы засомневался, – двести тысяч...

Сэм с уважением посмотрел на русского. "Этот человек не так прост..." – подумал он.

Хлопотов поднял со стола химический карандаш и на попавшемся под руку клочке бумаги начал что-то писать. Закончив, он протянул Гюнтеру реквизиты финансового хранилища. Тот привычным движением положил их в нагрудный карман.

Наконец, все становилось на свои места. Житель цивилизованной страны почти успокоился. В его мире деньги значили очень много. И ни разу в жизни Сэм не встречал по-настоящему бескорыстных людей. Он облегченно вздохнул. Ему никогда не нравились услуги, предлагаемые бесплатно.

– Ну, а теперь, давайте займемся Вами, – произнес таежный гений.

– Нет, сначала осмотрим самолет, – возразил Гюнтер. Прежде, чем окончательно решиться на телепортацию, летчику хотелось убедиться, что это действительно единственный способ вернуться.

Хлопотов не возражал, хотя мысль об отсрочке ему не понравилась. Однако, делать было нечего. Освободив от веревки Шарика, он повел Гюнтера через лес. Собака быстро привыкла к запаху незнакомого человека и побежала впереди, громким лаем распугивая белок и барсуков.

В пути Сэм часто оглядывался, пытаясь на всякий случай запомнить дорогу. Любуясь высокими елями, их мощными корнями, разноцветными мхами и почвой, усыпанной толстым слоем хвои, он наслаждался свежестью и чистотой пахнувшего смолой воздуха.

По дороге бизнесмен объяснил ученому, как оказался владельцем легендарного самолета. В ответ старик с легкой иронией поведал ему о своих ночных опасениях.

Полчаса спустя они вышли к месту падения Мессершмитта. С первого взгляда стало ясно, что он очень плох и летать никогда не сможет. Передатчик, к явному разочарованию Гюнтера и тайному облегчению Хлопотова, сильно пострадал. Да и аккумуляторы закоротило, – за ночь они полностью разрядились. Так что, не оказись поблизости лаборатории, шансов у парашютиста осталось бы меньше, чем у иголки стогу сена...

Это понимание окончательно убедило американца, что он морально готов к столь сомнительному способу перемещения.

Медлить с возвращением не имело смысла. С каждым лишним часом исчезновение необычной собственности и ее владельца все больше бросалось в глаза. Даже сейчас его уже наверняка искали, а газеты, возможно, готовили статьи о самоубийстве или несчастном случае. К тому уже, Гюнтер собирался сдержать обещание о неразглашении. Желая подчеркнуть свою щепетильность, Сэм попросил проводника, торопливо шагавшего рядом, осуществить приготовления, необходимые для телепортации, побыстрее.

Как нельзя лучше это соответствовало и намерениям хитрого интеллигента. Пересечя поляну, Хлопотов сразу приступил к делу. Взвесив Гюнтера на весах в одежде и с оружием, он объяснил, что компьютеру нужна общая масса телепортируемого. Затем жрец науки пригласил его зайти в небольшую кабинку и просканировал рентгеновским излучением. Надев на голову американца пластиковый шлем со множеством электродов, Константин Кириллович снял, как бы, энцефалограмму мозга.

Из-за вместительного полушария, погрузившего зрение Сэма во мрак, он не мог видеть монитор, на который компьютер выводил результаты анализа содержимого его черепа. Прозондировав особым электронным полем подсознание летчика, это устройство идентифицировало светящееся облачное завихрение, как проникшее в конец двадцатого века из мира, отдаленного на тысячу лет...

Константину Кирилловичу стало даже жаль простофилю, но старик тотчас взял себя в руки. В конце концов, он не собирался убивать парня, хотя и не был уверен в том, как сложится

его судьба в дальнейшем. Но, когда фактически бескорыстный интриган обернулся к Гюнтеру, глаза его уже ничего не выражали.

– Теперь все в порядке, – сказал он, – Готовы ли Вы? Если да, то установите телепорт посередине помещения и, задержав дыхание, войдите. Несколько секунд будет очень светло. Однако, лишь стемнеет, Вы обнаружите себя на лужайке около Вашего дома...

– Откуда Вам известно, где я живу? – озадаченно спросил заморский гость.

– Это не мне известно, а Вам, – пожилой плут невинно махнул рукой в сторону мониторов, – Взгляните сами.

Сэм последовал совету. Это действительно был его дом и лужайка с флюгером перед ним. Точь в точь, как он видел их в последний раз, поворачивая ключ зажигания своего мустанга. Наконец, он решил, если старик дурачит, то делает это искусно. Уж слишком все сходится.

Хлопотов спокойно стоял рядом с компьютером, держа руку над клавишами, и ждал.

"Попробуй, тогда и узнаешь..." – Гюнтеру, обманутому богато обставленным спектаклем, показалось, что провокационная мысль пришла не без посторонней помощи. Но, не успев впасть в новые подозрения, он почувствовал, как на уровне мозжечка предупреждающе заворочалось нечто, обтянутое чешуйчатой кожей, с туловищем, как у кита, и когтистыми лапами, как у тигра. Голова неприятно закружилась.

"Чертовы рептилии..." – отчего-то мелькнуло в сознании американца. Поддавшись охватившему его волнению, он наконец решился и вошел в телепортатор.

Константин Кириллович торжественно опустил указательный палец на кнопку. Внутри "магнита" сильно посветлело, и перемещаемый невольно прикрыл ладонью глаза. Тело мелко задрожало, и он испытал очень приятное ощущение, словно на несколько мгновений потерял вес. От пяток к темени пробежала горячая волна, и вибрация прекратилась.

Сэм отвел руку от глаз. Он обнаружил себя стоящим посередине лужайки, только его дома нигде не было. Еще не понимая, что это значит, он огляделся.

Там, где кончалась молодая трава, чернели обугленные стволы деревьев. В километре на запад в лучах вечернего солнца виднелись силуэты развалин каких-то сооружений.

Рука жертвы глубоко скрытой в нем чужой воли непроизвольно потянулась к нагрудному карману. На бумажке, накануне отданной ему Хлопотовым, вместо номера швейцарского счета скачущими буквами оказалось написано: "Добро пожаловать в будущее!"

Налетевший порыв ветра выхватил листок из ослабевших пальцев и унес с собой...

Старик все-таки обманул. Попавшийся в расставленные им сети и представить теперь не мог, где же он оказался. Все вокруг выглядело явно не по-американски. Не могла его великая родина так сильно измениться даже за продолжительное время. Тяжелые предчувствия словно ударили Гюнтера, и он покачнулся, еле устояв на ногах.

Проглотив оставшиеся при комбинезоне таблетки, осмотрев пистолет и поставив его на боевой взвод, Сэм направился к дороге, черневшей за обгоревшими кленами.

6

Хлопотов убрал руку с клавиатуры компьютера и улыбнулся. Он не мог быть уверен в том, что все сложится, но выигрывать сомнительные партии, по-видимому, еще не разучился.

"Слава богу, этот денежный мешок теперь далеко..." – с удовлетворением подумал престарелый авантюрист, – "Иначе его действительно пришлось бы укокошить."

Константин Кириллович набросил чехол на телепортатор, поднялся по ступеням и вышел на поляну. Солнце над маскировочной сетью уже перевалило через зенит, в небе появились перистые облака.

Ученый устало потянулся и широко зевнул. Завидев хозяина, Шарик дружелюбно залаял. Раздраженная гавканьем обезьяна недовольно заворчала, вцепилась в решетку тесной клетки и сплюнула жвачку слюны в траву.

Необходимость так или иначе избавиться от американца была вызвана тем, что Хлопотов не желал его встречи со своим одиннадцатилетним внуком, снабжавшим старика продуктами. "Раскрутив" летчика и проследив за ребенком, заокеанская разведка без труда смогла бы обнаружить лабораторию...

Каждый вечер, дождавшись конца дневной смены городского летнего лагеря, этот мальчик не шел сразу домой, а забегал в лагерную столовую. Здесь, в раздаточном окне на поддельные талоны, он брал обед, завтрак и ужин. И если еще несколько лет назад подобный аппетит мог вызвать недоумение кухонных работников, то в это сложное для государства время так поступали многие дети, чьи родители не получали зарплату уже несколько месяцев.

Связь между родственниками осуществлялась с помощью телепорта, установленного на чердаке соседнего дома и замаскированного под каркас от старого высоковольтного трансформатора. Ученый сам смонтировал схему его электронного мозга, настроенного на поляну около лаборатории. Для конспирации этот микрокомпьютер был замурован внутрь бетонной перегородки позади на вид ржавого куска металлолома. В действие он приводился с помощью пароля "Крибли-крабле-бумс", произнесенного трижды.

В ожидании появления внука, Константин Кириллович обездвижил гориллу. Взявшись за ноги, он перетащил ее назад в бункер. Вернувшись в дом, Хлопотов прилег и незаметно уснул. До визита его маленького друга и ученика оставалось несколько часов. К концу дня, намеченного для заключительного урока, посвященного "Теории Вселенной", ревностный наставник хотел выглядеть отдохнувшим.

Так бы и случилось. Однако, Константин Кириллович не мог знать, что именно на этот день Топографические службы страны запланировали съемку рельефа малоисследованного региона Тайги. Фотографии, сделанные с воздуха, должны были послужить основой для новой и очень подробной карты, заказанной Географическим обществом. Поэтому, в час, когда Сэм Гюнтер отправился в будущее на тысячу лет вперед, пять тяжелых вертолетов военной авиации поднялись в небо со стратегического аэродрома на берегу Тихого океана.

Три часа спустя Хлопотова разбудил шум моторов. Не имея времени на выяснение обстоятельств, ученый был вынужден принять меры, чтобы не оказаться под вспышками фотоаппаратов следователей и градом вопросов. Слишком поздно Хлопотов осознал, к каким трагическим последствиям может привести промедление с уничтожением останков самолета. Но еще большую опасность для его планов на будущее представляла разноцветная ткань парашюта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.